

«Постмодерн не ушел» Беседа с В.М. Диановой

Валентина Михайловна Дианова — доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной культурологии Санкт-Петербургского государственного университета, автор ряда монографий. Беседа состоялась 19 ноября 2008 г. на факультете философии и политологии СПбГУ

Уважаемая Валентина Михайловна, прежде всего я хотел бы обратиться к Вашим замечательным работам по философии постмодернистского искусства. Давайте начнём с простого вопроса: не прошли ли времена постмодерна?

Вы верно заметили, что вопрос этот непростой и весьма актуальный. Есть целый ряд авторитетных мыслителей, которые считают, что постмодерн закончился. К их числу принадлежит и профессор нашего университета Валерий Владимирович Савчук, который в свое время одним из первых защитил докторскую диссертацию на нашем факультете по этой проблематике. В одном из петербургских журналов опубликована его беседа с известным культурологом, живущим в Америке, Михаилом Эпштейном, озаглавленная «Поминки по постмодерну». Мы порой беседуем с ним и другими коллегами на эту тему, и я считаю, что с постмодерном прощаться еще рано. Конечно, классические тексты по теории постмодерна уже написаны. Но в культуре само явление продолжает существовать, особенно ярко проявляет себя постмодерн в художественных новациях. А все теоретические наработки теоретиков постмодерна, которые смело можно назвать шедеврами, ещё долго будут востребованы. В общем, постмодерн не ушёл.

В литературе — как в нашей, так и в зарубежной — бытует расхожее представление о том, что постмодерн — это глобальное, чуть ли не архетипическое, со-

стояние человеческого сознания. Одни говорят, что оно периодически навещает мировую культуру, другие — что кроме постмодерна никогда ничего и не было, что первыми постмодернистами были Адам и Ева и т.п. Действительно, Адам и Ева ещё в раю произвели первую деконструкцию, и все их эстетические жесты были постмодернистскими. Стоит ли, на Ваш взгляд, локализовать это явление?

Ещё Лиотар говорил, что постмодерн не привязан к какому-то конкретному историческому периоду. Расширительное толкование постмодерна и отсутствие его точной временной локализации вызвало ироничное замечание Умберто Эко о том, что скоро окажется, что постмодерн существовал ещё во времена Гомера. Конечно, тенденции в культуре, сравнимые с ситуацией постмодерна, имели место и ранее. Так, очень многие исследователи находят много общего между постмодерном XX века и закатом античного мира. В этой связи напомним, что происходящие ныне процессы глобализации некоторые авторы не привязывают к рубежу XX–XXI веков, а рассматривают их лишь как один из этапов глобализации, начавшейся, по версии одних, в конце первого тысячелетия н.э.; других — с середины XV в., когда началось, говоря словами Ф. Броделя, превращение «мира европейских экономик» в мировую хозяйственную систему европейского типа. Сегодня уже речь идет о «новой» или «глубокой», «диффузной», «современной» глобализации. Так и среди теоретиков постмодерна нет единодушия в том, с какого времени следует отсчитывать его появление. Но все же мы с Вами говорим о постмодерне, позиционируя этот период по отношению к модерну, понимаемому нами как период, возникший в Европе с эпохи Нового времени. Я не вполне принимаю это категоричное суждение о том, что постмодерн был всегда. В какие-то эпохи локализуются те тенденции, которые более всего значимы для культуры этого периода, составляют, так сказать, ее генеральную линию, но наступает период, когда эта генеральная линия подвергается деконструкции. Мировая история не является монотонным процессом, в истории наблюдается характерное и весьма значимое чередование периодов относительной стабильности и относительного ослабления стабильности. Социокультурный процесс предполагает и развитие (непрерывности) и разрывы (прерывности). Я сторонник видеть в социокультурном процессе периоды циклизма, относительных повторов, поэтому то, что мы с Вами по умолчанию понимаем под постмодерном, его отличительные черты, пожалуй, присутствовали в человеческой истории изначально. Среди его отличительных черт я назвала бы, прежде всего, культурный плюрализм, который усиливается в периоды вторжения в культуру знаков и кодов иных культур, что приводит в «культурному взрыву». Постмодерн — это взрыв. Именно поэтому вокруг модерна всегда существует постмодерн. Тем не менее, постмодернистские тенденции локализуются именно в переходные периоды, когда идёт пересмотр и деконструкция сложившихся традиций. Этот хаос постмодерна может продолжаться долго, но в конце концов он сменяется устойчивыми явлениями, и тогда мы можем говорить о *другом* модерне. Сегодня мы живём в кризисной ситуации постмодерна, внутри которой, вполне вероятно, со временем станут вырисовываться контуры новой стабильности в отношении состояния культуры.

Вы говорите о «другом» модерне, а мне вспоминается выражение Латура «нон-модерн». Как по-Вашему, возможна ли такая культурная или эстетическая парадигма?

Если мы будем понимать модерн в традиции Хабермаса, т.е. как конкретную эпоху, то такой модерн уже сдаёт свои позиции. Другое дело, что вырисовывается дру-

гой модерн. Всё последующее возникает по отношению к чему-то предыдущему. Контекст, противостояние, диалогические отношения — всё это невозможно отбросить. Мы говорим о кризисе проекта Просвещения и о наступлении новой эпохи потому. Но постмодерн — это не новая эпоха, а завершение старой. Новой эпохе, конечно же, будет необходима и новая парадигма, пока же мы находимся скорее в стадии неопределенности.

Быть может, стоит говорить, что программа модерна была выполнена, а теперь следует создавать новую...

Конечно, она выполнена не до конца. Очевидно, что в какой-то мере она была утопична. Возникли негативные явления, которых творцы модернистского проекта не предусмотрели. Об этом речь идет в хрестоматийной сегодня работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения». Необходимо что-то исправить, найти новые направления. В этом отношении совершенно естественный интерес стал вызывать Восток. В Японии, например, не было никакого модерна — до-модерн сразу сменился постмодерном.

А что касается России? Существует ли какой-то «русский постмодерн», является ли Россия страной постмодерна? Борис Васильевич Марков как-то сказал мне, что страна победившего постмодернизма — это не Америка, как казалось Бодрийяру, а Россия. Действительно, в Америке по-прежнему очень высокий ВВП, высокий коэффициент производительности труда и т.п. Таким образом, это всё ещё технологический проект модерна. А вот в России производятся одни симулякры, так что мы и есть общество постмодерна.

Я согласна с Борисом Васильевичем, суждения которого для меня всегда интересны. Несмотря на то, что у нас в России существует скепсис по отношению к постмодерну, постмодерн присущ российской культуре. Очень авторитетный для меня культуролог Игорь Владимирович Кондаков написал, что если на Западе постмодерн возникает из избытка, то у нас он возникает из недостатка. Поэтому русский постмодерн существенно отличается от западного. Хотя в нашей культуре много постмодернистских явлений, в русле теоретической мысли сохраняется недопонимание всей важности теоретических концептов, дающих возможность понять ситуацию постмодерна. У нас популяризируется суждение, что постмодерн характерен для Запада, а мы и без этого понятия обойдемся.

В последнее время мне попадаются статьи, авторы которых пытаются показать, что русский постмодерн возник независимо от западного, что у нас были свои постмодернисты — Андрей Белый, Лев Шестов, Василий Розанов и др.. Поэтому, говорят эти авторы, мы можем гордиться своей теоретической независимостью. Вы разделяете эту точку зрения?

Суждение очень интересное. Мне чаще встречаются суждения о том, что мы в этом отношении плетёмся в хвосте у Запада. Например, об этом писал Михаил Семёнович Уваров. Мне ближе позиция Вячеслава Курицына, который писал о литературном постмодерне Д. Хармса, а И.В. Кондаков — о Розанове как о первом постмодернисте. Если проанализировать отечественную культуру с этой точки зрения, то у нас можно найти множество таких специфических постмодернистских особенностей.

Как ни парадоксально, быть может, имеет смысл говорить о национальных моделях постмодерна. Конечно, постмодерн — это универсальное явление, характерное, прежде всего, для развитых западных стран. Но в разных странах можно увидеть свой постмодерн. Я уже говорила о Японии. Можно вспомнить о Латинской Америке, где предтеча и патриарх постмодерна Х.Л. Борхес вырабатывал собственные концепции. Русский постмодерн не похож на западный — он более резкий, более критичный, более нетерпимый. В силу специфики русской культуры у нас больше пафоса и накала. Западный постмодерн более благодушен и ироничен.

Видимо, здесь сказывается наш русский нигилизм.

Да, я согласна, это именно так.

В нашей литературе есть постмодернисты, похожие на западных, — люди вроде В. Пелевина...

Конечно, Виктор Пелевин очень востребован в Германии. Видимо, он близок и понятен немцам. В литературе часто упоминают западный и восточный постмодернизмы. Причём о Пелевине чаще всего пишут всё-таки как о восточном постмодернисте.

Меня давно занимает вопрос, на который я не могу найти ответа: существует ли постмодерн в философии? Художественно-эстетический постмодерн общеизвестен; постструктурализм — это его философско-теоретическое осмысление. В философии понятия «постмодернизм» и «постструктурализм» часто смешиваются; чёткой дефиниции того и другого не существует. И тем не менее, если мы попытаемся эти понятия развести, можно ли говорить о постмодернизме в философии?

Существует расхожее и чуть ли не общепринятое суждение о том, что зачинателем постмодернистской философии был Лиотар. Реже говорят об «анонимном постмодернизме Делёза», в котором Вы разбираетесь лучше меня. Конечно, далеко не все теоретики идентифицируют себя с тем или иным направлением. Тот же Бодрийяр писал «так называемый постмодернизм» и относился к этому термину весьма иронично. То же самое было и с экзистенциализмом: Хайдеггер, например, не относил себя к этому течению. Поэтому дело, конечно, не в том, сколько философов себя причисляет к постмодерну, чтобы сплотить свои ряды вокруг этого концепта. Однако новое мироощущение мыслящей интеллигенции, возникшее в конце XX века, во многом сходно. Это даёт теоретикам основание рассматривать их как некое течение в гуманитарной мысли. Я думаю, что говорить о «философских теориях постмодерна» можно. Ведь речь идёт не о навешивании ярлыков, а о попытке уловить интегративные тенденции в философии.

Я хотел бы перевернуть вопрос: мы знаем о существовании постмодернистского мироощущения, но существует ли постмодернистское философствование? Я бы сказал, что Делёз по стилю работы постструктуралист, но не постмодернист. По мироощущению это скорее мыслитель модерна — кантианец, бергсонист и т.п. А вот Рикёр по стилю работы никоим образом не постструктуралист, но по мироощущению явный постмодернист.

Постмодернистский стиль философствования можно почувствовать, когда он вызывает раздражение у приверженцев традиционного философского дискурса, когда говорят: нужно исследовать постмодернистский дискурс, но зачем же говорить его

птичьим языком? Кстати, даже Валлерстайн, одобряя обращение к постмодернистской проблематике, сетует на мудрёный язык теоретиков-постмодернистов.

Что вообще случилось с философией в эпоху постмодерна?

Это очень сложный вопрос. Многие говорят о кризисе философии. Не следует забывать, что философия лишь в XIX веке была признана академической дисциплиной. А Делёз, к примеру, говорил, что функции философии могут переходить к другим видам деятельности — к кино и т.п., — но философствование продолжается. Но, хотя формы философствования меняются, форма традиционная, мне кажется, всё-таки остаётся, несмотря на то, что философствование не дает очевидной пользы обществу.

Какова же в таком случае социальная функция философии? Ведь функции у неё могут быть разные — «служанка богословия», универсальная методология, идеология, противостояние глупости и т.д. И в зависимости от выполняемой функции философия по-разному институализируется.

Функция создания концептов, как выразился всё тот же Делёз, никуда не девается. Человеку присуща органическая потребность объяснять мир вокруг себя и себя в этом мире. Очевидно, философия будет меняться в зависимости от перемен, происходящих с миром. Другое дело, как мы её институализируем. Философствование — это, прежде всего, способность к размышлению и созерцанию. Однако в наш меркантильный век такие качества человека не всегда востребованы, поэтому философствование становится привилегией интеллектуалов.

Да, не пора ли закрывать факультеты?

Здесь приходится говорить не столько о функциях философии, сколько о социальном заказе. Очевидно, что философов будет становиться всё меньше, но это не значит, что функции философии как науки и учебной дисциплины, нацеленной на формирование «просвещенных граждан», способных ориентироваться в сложных социокультурных ситуациях, меняются. И хотя в нынешних условиях более востребованы обществом иные профессии, все же я твердо убеждена, что философия, наряду с другими социальными дисциплинами, преподаваемыми в высшей школе, призвана формировать мировоззрение граждан. В связи с реформой высшей школы и переходом к новым образовательным стандартам, в качестве весьма продуктивного шага хочу отметить введение в учебный лексикон таких понятий как универсальные и профессиональные компетенции. В формировании первых из них особая роль должна отводиться философии, которая призвана способствовать формированию у студентов необходимых мировоззренческих знаний, наряду с такими учебными дисциплинами как культурология, социология, политология и др.

Что интересного, на Ваш взгляд, происходит в современной философии? Каких авторов — отечественных и зарубежных — Вы посоветуете почитать?

По долгу службы мне приходится заниматься проблемами образования. Мне кажется, что сегодня, когда мир становится глобальной «деревней» для нас важнее всего научиться понимать других людей, уйти от европоцентризма.

Недавно я побывала в Монголии, в Государственном Университете Культуры и Искусства (Улан-Батор). Философии как таковой я там не увидела, поскольку это уч-

реждение, отличное от нашего университета, и развиты там, в основном, прикладные дисциплины и специализации. Многие монголы ориентируются на западную культуру, владеют английским языком. Старшее поколение знает русский. Приятно, что они хорошо относятся к России...

Они ориентируются не на Китай, а на Россию?

Конечно, контакты с Китаем есть, но монголы опасаются наплыва китайской рабочей силы и охотнее контактируют с Кореей.

А как в Монголии с постмодерном? Существует ли «монгольский постмодерн»?

Мне кажется, да. Когда в Улан-Баторе мы вышли из буддийского дацана, то увидели три юрты, стоящие, как мне показалось, прямо посреди города. На фоне высотных домов и банков из стекла и бетона это режет глаз. Мне объяснили, что в юртах постоянно живут люди и что удивляться тут решительно нечему. Мы, европейцы, всё время что-то сносим или перестраиваем, а для монголов совершенно естественно, что люди как жили, так и живут на том же месте, в тех же юртах. Вот вам эклектика постмодерна. Другой пример — громадный мемориальный комплекс, посвященный Чингис-хану, выстроенный посреди степи. Современное здание с удобной мебелью, выставки суперсовременных художников европейского типа, рестораны, лифт, — а кругом степь и горы. Монголия — это несколько больших городов и кочевники, составляющие 70 % населения страны.

Чем сейчас занимаетесь Вы? Какие темы Вас привлекают? Над чем Вы работаете?

Мне интересна преемственность теоретической мысли: я хочу выяснить, как теоретические наработки постмодернистов работают в эпоху глобализации. Бесспорной заслугой постмодернистской теории является ее обоснование социокультурного плюрализма, который так остро заявил о себе в эпоху глобализационных процессов. Стратегии деконструкции также актуальны в условиях отказа от западных приоритетов и реабилитации многих забытых традиций прошлого, усвоения опыта иных культур. Вообще стратегии анамнесиса (припоминания), о которых писал Лиотар, мне кажутся более продуктивными для человечества, нежели идея прогрессизма, манящая приверженцев модернистского проекта.

Меня привлекают темы взаимодействия культур, проблемы нового космополитизма, транснациональной интеграции, межкультурного образования. Поскольку я преподаю в университете, то многие свои идеи имею возможность реализовывать в реальной педагогической практике и организационных формах учебного процесса, а не ограничиваться лишь теоретическими изысканиями. Хотя, конечно, все время испытываю нехватку времени для занятий научной работой.

Беседу провёл А.В. Дьяков

Основные публикации В.М. Диановой

1. Постмодернистская ситуация в культуре XX века // Философия культуры: становление и развитие. Учебн. пособ. Под ред. М.С. Кагана и др. СПб., 1998.
2. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб., 1999.

3. Постмодернизм как феномен культуры // Введение в культурологию. Курс лекций. Под ред. Ю.Н. Солонина, Е.Г. Соколова. СПб., 2003.
4. Плюрализм как черта универсальной культуры // *Studia culturae*. Вып.4. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ. СПб., 2003.
5. Российский постмодернизм // Культурные ценности и практики культуры: структура духовного мира современной России. СПб., 2003.
6. Философия истории: преемственность, параллели, развитие // Рабочие тетради по компаративистике. Сравнительные исследования в политических и социальных науках. СПб., 2003.
7. Постмодернистские стратегии путешествия в смысловые пространства // Культурное пространство путешествий. Материалы научного форума. СПб., 2003.
8. Проблемы художественной культуры в постмодернистской ситуации // Диалог культур — 2004: в поисках новой гуманитарной парадигмы. СПб., 2004.
9. Из истории формирования в России социокультурных концепций циклического развития // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. М., 2004.
10. Интертекстуальность искусства как пролог к универсализации культуры // *Studia culturae*. Вып.7. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета СПбГУ. СПб., 2004.
11. Процессы универсализации культуры в контексте глобализации // Культура на рубеже XX-XXI веков: глобализационные процессы. М., 2005.
12. Культурология: основные концепции. Учебн. пособие. СПб., 2005.
13. Болонский процесс и задачи высшего гуманитарного образования // Обсерватория культуры, М., 2005. № 6.
14. Космополитизм в эпоху глобализации // Вопросы культурологии. 2007. № 1.
15. Философия художественного авангарда в эпоху глобализации // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты. Под ред. Б.В. Маркова, Ю.М. Шилкова. СПб., 2007.
16. Этика межкультурного диалога и художественная практика XX-XXI веков // Культурное пространство Монголии и Восточной Сибири: диалог культур. Сб. статей. Улан-Батор, 2007.
17. Универсализация культуры как основа межкультурного диалога // Диалог цивилизаций: философские, культурологические, исторические аспекты. Материалы междунар. конференции: Каир, 26-29 ноября 2007 г. Казань, 2008.
18. Искусство и проблемы глобализации культуры // Фундаментальные проблемы культурологии. В 4-х т. Т. III: Культурная динамика. Под ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008.
19. Миссия культурологии в формировании универсального мировоззрения // Инновационный потенциал культурологии и ее функции в системе современного гуманитарного знания. Собрание Российского культурологического общества СПб., 2008.
20. Культурология: Учебник, под ред. Ю.Н.Солонина и М.С.Кагана. М., 2009 (в соавторстве).